

Елена Клещенко

Я ничего не могу сделать



*Часть сборника
Мир Стругацких. Рассвет и
Полдень (сборник)*



Елена Клещенко
Я ничего не могу сделать

«ЭКСМО»

2017

Клещенко Е.

Я ничего не могу сделать / Е. Клещенко — «Эксмо», 2017

«Благополучная местность, подумал Ханс. Все-таки их зацепило меньше. Лес на горном склоне совсем не казался больным: «платаны» чередуются с «елями», кустарника мало, но это и понятно – под кронами темно. Острые стебли травы уже приподнимают бурую листву, первоцветы показывают синие и белые бусины, и совсем по-земному пахнет прелью. Ни железа, ни радиации...»

Елена Клещенко

Я ничего не могу сделать

Ах, как бы я хотел быть циником, как легко, просто и роскошно жить циником!.. Ведь надо же – всю жизнь из меня делают циника, стараются, тратят гигантские средства, тратят пули, цветы красноречия, бумагу, не жалеют кулаков, не жалеют людей, ничего не жалеют, только бы я стал циником, – а я никак...

А. и Б. Стругацкие

Ханс Эихольц.

Хонти, приграничный горный район

Благополучная местность, подумал Ханс. Все-таки их зацепило меньше. Лес на горном склоне совсем не казался большим: «платаны» чередуются с «елями», кустарника мало, но это и понятно – под кронами темно. Острые стебли травы уже приподнимают бурюю листву, первоцветы показывают синие и белые бусины, и совсем по-земному пахнет прелью. Ни железа, ни радиации. Где-то недалеко, километрах в пятидесяти, медный рудник, но он не функционирует. Здесь теперь можно встретить разве что рудного кобальда, или Госпожу Горы, прекрасную собой, но с дурным характером, или еще какой-нибудь фольклорный элемент... если и их не изничтожила грубая проза сепаратизма и ядерных войн.

Ханс оглянулся на капсулу: от оболочки уже поднимался инеисто-белый дымок. Через три дня здесь останется небольшая горка черных бесформенных кусочков, мимоидущий охотник примет их за угольки или гнилушки. Хотя и охотник – это вряд ли. Нет тут никого. На «Саракше-1» знали, что делают.

Повернувшись к капсуле спиной, он решительно одернул армейскую куртку со спортивными знаками различия и двинулся вверх по склону. Знаменитая саракшианская рефракция в лесу была практически незаметна. Зато небо... Огромный матовый купол, подсвеченный скрытыми лампами или же светящийся сам по себе. И лес, и гора, и весь мир будто в огромном ангаре под железной крышей.

Каммереру было куда тяжелее, завистливо подумал Ханс. Он шел в полную неизвестность, без техники, без связи с Землей, без знания языка. Я бы так смог?.. Вспомнив про Каммерера, Ханс зашагал быстрее.

Массаракш, я же здесь! Наконец-то! В Хонти, с достоверной легендой, проверенной и подкрепленной на местности, со свободным, на сто двадцать баллов, великоимперским языком и приемлемым разговорным хонтийским, готов приступить к оперативной работе. Первый хонтийский резидент за пять лет. Строго говоря, резидент – и вовсе первый.

Он прибыл первым, в землянке было пусто. Слабый свет проникал сквозь щелеобразное окошко. Стол, табуреты, топчан в углу, у стены печь с трубой. Возле печи нашлись несколько банок местных консервов и котелок. Можно было бы сварить похлебку, но Ханс не был уверен, стоит ли демаскировать себя дымом и не влетит ли ему за это. Поэтому он вскрыл банку армейским ножом (точной копией тутошнего армейского ножа... ну, почти точной) и с удовольствием пообедал печенью, заправленной крупой. Есть хотелось – не то слово как. Ополовинил банку, загнул крышку на место. Тут-то в дверь и постучали – два раза и еще пять.

– Здравствуйте. – Максима Каммерера Ханс впервые увидел воочию и не мог сдержать дурацкой восторженной улыбки. Он. Настоящий. И нелепый костюм из жесткой материи, застегнутый на пуговицы, сидит на нем как комбинезон звездолетчика. А на правой руке следы заживших ссадин – дрался с кем-то, наверное...

– Массаракш, да ты вылитый местный! – Каммерер сказал это с восхищением и еще с какой-то непонятной ноткой – завистью, что ли? – Типичный уроженец северных провинций. Уши, волосы... Тебе некий Тику Зойза, случайно, не родственник?

– Зойза Тику, – по-армейски четко ответил Ханс, – около пяти лет назад был кандидатом в гвардейцы, служил в Столице. Никак нет, не родственник!

– Вот и хорошо. Теперь тебе будут нужны совсем другие родственники. М-да, меня, наверное, в вашу Школу и не взяли бы, этнотип сильно не тот.

– Нет, почему? Как раз перед тем как мне улетать, у нас в младшую группу зачислили Жоана Рибейру. У него профпоказания – психология и медицина, и он хочет работать на Юге, с мутантами. Комиссию прошел мгновенно. Индекс здоровья высокий, внешние данные подходящие...

– Подходящие – для Юга? А что с ним такое?

– Он негроид, – объяснил Ханс. – Маленький, худой, и при этом черный – как глубокий Космос.

Еще не договорив, он испугался, что сморозил бестактность. Но Каммерер весело фыркнул и вдруг стал похож на свою раннюю, еще до-саракшианскую фотографию, которую Ханс когда-то видел в БВИ. А ведь он старше меня всего-то на три с половиной года...

– Да, такой мутации за Голубой Змеей еще не видели! Ну что ж, будем ждать его с нетерпением. Врачи там нужны. Теперь о тебе. Держи документы.

Каммерер вытащил из кармана плоскую кожаную сумочку на ремешке.

– Вот бумаги твоей покойной матери, гражданки Хонти, вот твое свидетельство о рождении. Береги, не вздумай потерять, они нам достались очень непросто. Лучше всего прямо так и носи на шее, под рубахой. Теперь ты у нас беженец из Страны Отцов. Впрочем, в Хонти ее никто так не называет, а называют... как?

– Центральные Губернии, – сказал Ханс по-хонтийски.

– Точно. Только над интонацией еще поработай: предательские преступные выродившиеся Центральные Губернии, вот как надо произносить. А почему ее так называют?

– Потому что «Страна Отцов» – древнее слово, которое означало просто «отчизна», «родина» и было самоназванием всей империи. По мнению хонтийцев, центр после разделения узурпировал его не по праву.

– Совершенно верно. Неизвестные Отцы удачно выбрали свой псевдоним, должно быть, умный человек был в консультантах. Теперь, после них, страну хотят переименовывать, да всем не до того... Ладно. Политическая и экономическая ситуация в Хонти на текущий момент?

– О текущем моменте информация только косвенная, на основании радиопередач и съемок со спутника. Гражданская война завершилась четыре года назад, с тех пор у власти Хонтийская Лига Патриотов, партия праволиберального толка. Ее главный оппонент, Хонтийская Уния, считается подпольной партией, однако практически не преследуется – у нее, например, есть собственный круглосуточно вещающий радиоканал. Кроме них, имеется несколько разрешенных партий, в том числе левых. Форма правления – президентская республика, есть парламент. На последних выборах Лига получила около шестидесяти процентов голосов. Экономическая ситуация тяжелая, но по сравнению со Страной Отцов может быть названа благополучной. Спутниковая съемка показывает на территории Хонти значительные посевные площади, высокую ночную освещенность городов. Можно заключить, что правительственные радиостанции не сильно привирают насчет благосостояния и стабильности. С другой стороны, имеет место загрязненность почвы и атмосферы, в том числе радиоактивными элементами – последствия атомных войн. И если то, о чем вещает Уния, верно хотя бы наполовину – про здравоохранение, преступность и прочее – то... в общем, неважное дело. Но потому мы и здесь, правильно?

– В целом правильно, – Каммерер усмехнулся. – Молодец. Добавь еще угрозу со стороны Островной Империи, Хонти, как и Фатерланд, имеет выход к морю, а где выход, там, сам понимаешь, и вход... Второй вопрос: история открытия и применения волновой психотехники в Стране Отцов?

– Волновая психотехника... – Ханс слегка растерялся, этого вопроса он не ждал, но на то и собеседование с куратором. – Волновая психотехника Саракша стала наиболее весомым аргументом против теории коллинеарного научно-технического развития. Средний уровень техники в Стране Отцов примерно соответствует земному двадцатому веку, в физике, даже механике есть вопиющие провалы, астрономии практически нет, зато в физиологии высшей нервной деятельности, экспериментальной биологии – по некоторым позициям они догоняют нас. Если не опережают, есть и такое мнение...

– Хорошо, теорию в сторону. Что у нас с историческими фактами?

– Первые работы по мониторингу когнитивных процессов и аппаратному воздействию на мозг были начаты в имперской Академии наук около пятидесяти лет назад. За короткое время были достигнуты значительные успехи и создана техническая база для ментоскопирования вплоть до глубинного. Прототип излучателя построен сразу перед войной, то есть около тридцати лет назад. Все журналы с публикациями на эту тему были изъяты из библиотек и сохранились только в архивах спецслужб, а также в Институте специальных исследований. Излучение применяли сперва в экспериментах на живот... то есть на предразумных расах киноидов.

– На прямых предках голованов, да. В процессе дрессировки и просто так. Обычная практика у местных физиологов и большая проблема для наших ксенологов, которые теперь пытаются доказать голованам, что гуманоиды хорошие. Дальше.

– Врачи с помощью излучателей пытались лечить шизофрению, причем использовали тот самый режим, который позднее применили для массовой обработки населения. Выяснилось, что у шизофреников под излучением исчезают симптомы расщепленного сознания, они легко поддаются внушению, и таким образом можно восстановить для них картину мира. Кроме того, у них формировалась патологическая привязанность к врачам и обслуживающему персоналу. Потом оказалось, что излучение действует так не только на шизофреников, а на подавляющее большинство населения. Тогда один из авторов исследования подал идею группе военных и предпринимателей, готовящих путч: превратить всю страну в психиатрическую клинику, взяв на себя роль персонала. Так возникли Неизвестные Отцы.

– Метафорично, но в целом верно. Дальше?

– Это произошло тоже около тридцати лет назад. Довольно быстро выяснилось, что постоянное пребывание в поле вызывает невротические срывы, и тогда возникла концепция «катарсисов» – более мощных лучевых ударов, повторяемых регулярно, два раза в течение местных суток. Такие удары воздействовали на миндалину, вызывая восторженно-агрессивную реакцию, благодаря чему неврозы компенсировались. Некоторое время казалось, что все хорошо. Потом появился знаменитый обзор Аллу Зефа в «Психиатрическом ежегоднике». Зеф еще до войны успел получить премию его императорского величества для одаренных детей, при Отцах учился в специальном лицее-интернате для одаренных юных выродков, потом работал в столичной психиатрической клинике. Специалистов этого профиля нужно было все больше и больше, и Зеф среди них считался звездой. Пока не написал этот обзор по психическим заболеваниям, вызванным волновыми воздействиями. После публикации арестовали и его самого, и его родственников, и редколлегию журнала. Зеф провел на каторге шесть лет, после чего... встретил вас, Максим, насколько я знаю?

– Встретил. – Каммерер почему-то улыбнулся. – Верно: ради блага государства, читай Отцов, отрицательные последствия замалчивались, и все шло как идет. А вот теперь я расскажу тебе одну детективную историю. Произошло это сразу после того, как некий сотруд-

ник Группы свободного поиска подорвал центр управления излучением – ну, это вам наверняка рассказывали в Школе. Как пример пагубной инициативы.

– На вашем месте, Максим, я сделал бы то же самое, если бы смог, – немедленно заявил Ханс. – Невзирая на последствия. Это нельзя было так оставить. Насильственно снижать у людей критичность восприятия... как вы говорили – «человек мыслящий превращался в человека верующего, ему можно было внушить все, что угодно» – мерзость.

– Невзирая на последствия, – повторил Каммерер. Ханс тут же почувствовал, как краснеет. – Ладно. Спасибо тебе на добром слове, и не будем отвлекаться. Именно тогда меня нашел Рудольф Сикорски и... кхм... прочел мне экспресс-курс по теоретическому и прикладному социостимулированию, скажем так. И пока он приводил меня в разум, в столичном Институте специальных исследований, который он возглавлял, произошла одна неприятность. Да, на самом деле в те дни происходило множество неприятностей, но сейчас нас интересует эта. Исчез его заместитель. Посмотри и запомни на всякий случай.

Каммерер достал фотографию и протянул Хансу. Фотография представляла лысого человека средних лет: большая голова на тоненькой шейке, рот растянут в плаксивой гримасе, глаза виновато выпучены.

– Доктор Дану Ривша, для круга избранных Головастик, – произнес Каммерер. – Я был с ним знаком. Потрясающий тип. Физиономия избличенного карманника – и кристальное досье. Безупречный послужной список – и всегда такой вид, будто он только что сфотографировал секретную документацию и теперь опаздывает на встречу с контрагентом. Суевые движения, извиняющийся голосок – и контрольные ментограммы неземной красоты. Классический верноподданный, идеальный исполнитель. В правительстве ему доверяли. И Рудольф ему доверял, насколько это было возможно. Кто мог знать, что главное событие его жизни у него впереди...

Со вздохом Каммерер убрал фотографию в портфель и заговорил снова:

– Через три дня после взрыва Центра, когда всю страну охватила лучевая абстиненция, наш Головастик возник на хонтийской границе. Там он проследовал в расположение вертолетного звена, сел в вертолет вместе с пилотом и пересек границу. Ни о нем, ни о пилоте больше сведений не поступало.

Каммерер выжидающе посмотрел на Ханса.

– М-м... А это было обычно для того времени – вот так улететь из страны?

– Вопрос верный. Нет, Ханс, это было абсолютно необычно. Во-первых, Дану Ривша, чиновник хоть и высокого ранга, но штатский, командовать военнослужащими не имел права. Во-вторых, хонтийская граница и граница вообще для жителей Фатерланда была табу. Каждому, кто пытался ее самовольно пересечь, немедленно шили дело о шпионаже со всеми вытекающими последствиями. Основания понятны: Отцы знали, что происходит с человеком вне поля. Пока тянули излучение в новые районы, успели набрать статистику. Так что у армейцев не было никаких разумных причин помогать ему переправиться в Хонти. Наоборот, они должны были его хватать, бить ему морду и отправлять обратно в столицу.

– Значит, у него были сообщники?

– У тишайшего Головастика, который не покидал столицы минимум три года, – сообщники в приграничном гарнизоне? Притом что многократные проверки не выявили подозрительных контактов? Вдобавок улетал он на глазах у целой кучи свидетелей, которым никак не полагалось быть просто свидетелями, а полагалось палить из всех стволов по шпиону-перебежчику и по всем, кто ему помогает. Там потом и началось... взаимные обвинения, переходящие в перестрелку, хорошо, хоть четверо живых осталось... Уже догадываешься? Нет? Тогда переходим к главному. Свидетели рассказали, что при нем был багаж. Громоздкий ящик на колесиках, с буксировочной ручкой, деревянный, окрашенный в черный цвет,

окованный железом. Типичный ящик для транспортировки ценного оборудования, или еще одна веская причина переправить этого хмыря на территорию враждебного государства...

– Портативный излучатель!

– Верно. Включенный портативный излучатель. Сперва просто А-излучение – и весь личный состав бежит за прекрасным начальником из столицы, как дворовые псы за болонкой, у всех проходит депрессия и проясняются головы, всем кажется, что теперь жизнь наладится. А затем, видимо, уже в кабине, после того, как пилоту вручен письменный приказ с печатью – неважно, какой печатью и кем подписан! – лучевой удар, пилот в экстазе подчинения поднимает машину и гонит ее к нейтральной полосе, провожающие горланят «Славу Отцам» и блаженствуют... пока вертолет не удаляется метров на шестьсот. Ну, а наш друг в это время корчится от боли рядом с пилотом, но его хватает на то, чтобы вырубить излучение, когда вертолет пошел вниз. Или не хватает. Это уже второстепенный вопрос. А первоначально то, что излучатель мог попасть к хонтийцам. Вместе с человеком, который способен объяснить его назначение и принцип действия.

Каммерер замолчал. Ханс напряженно соображал.

– Но, Максим, ведь в Хонти сейчас многопартийная система? Я понимаю, хонтийский общественный строй далек от идеала, но там нет фанатичного преследования инакомыслящих, нет жесткой цензуры. Излучение проявляет себя в социуме рядом характерных признаков, которых мы не наблюдаем, – значит, Хонти не под излучением?

– Как будто бы так. Синдромы А- и Б-излучения описаны хорошо, Рудольф собрал великолепную коллекцию работ с грифом «секретно». Но в то же время, понимаешь... Четыре года назад гражданская война утихла сама собой, хотя никто не побеждал. Аналитики гадали, что такого-этакого патриоты наобещали унионистам в качестве отступного, и не могли догадаться – нечего им было обещать. Ходят слухи, что унионисты теперь будут избираться в парламент, как и другие оппозиционеры, но патриоты в любом случае сохранят абсолютное большинство.

Ханс слушал, нахмурясь и кивая: политика для него всегда была самым трудным предметом. Каммерер посмотрел на него с подозрением, но проверочных вопросов задавать не стал и продолжил:

– У Рудольфа перед войной был хороший приятель в хонтийском министерстве обороны – тот считал его бизнесменом, эмигрировавшим из Пандеи. Изредка встречались, ездили на охоту, выпивали вместе. Ему-то Рудольф и скормил информацию о передвижных излучателях и о том, что от них целиком и полностью зависит боеспособность армии Страны Отцов. Массаракш, и тогда было ясно, что это риск – выпускать из страны сведения о технике, которая делает любого человека Отцовским сыном, куклой в руках вождей. Вожди есть повсюду, мыслят они везде одинаково. Но войну надо было убить в зародыше, и нам это удалось. А три месяца спустя визит Рудольфа к хонтийскому приятелю закончился крахом. Охранник приятеля почему-то попытался его застрелить. Это вместо «спасибо» и ценных подарков! С тех пор у нас нет агентуры на Хонти, что само по себе досадно. Казалось бы, ближайший сосед, но пришельцев из Страны Отцов там недолюбливают, и, честно говоря, просто не доходили руки... Но этот внезапный конец дружбы меня тревожит по особой причине.

– Вы думаете, хонтийцы раскрыли секрет излучения? Но...

– Да-да: многопартийность, отсутствие симптомов тоталитаризма. Но секрета давно нет: наши радиостанции пятый год обсуждают проблему излучения и башен, бывшие выродки переругиваются со сторонниками Отцов – теми, которые на идейной, а не на физиологической основе. А в Хонти все это слышат, точно так же, как мы слышим их радио. Утечка собственно технологии – в таких условиях вопрос времени. Потом, учти, что в Стране Отцов единомыслие тоже установилось не мгновенно. Башни для излучателей возводили посте-

пенно. Началось со столичного телецентра, а когда жители и руководство столицы полюбили Отцов – расширяющимися кольцами, охватывая все новые территории. В общей сложности лет пять это и заняло. И когда излучение захватывало новые районы, любовь к Отцам вспыхивала на них не автоматически... ну ты знаешь: дисперсия реакций. Каждый становится фанатиком своих убеждений. То есть приобретенных еще вне поля. И каждый умирает за то, во что верит.

Он замолчал на несколько секунд.

– За то, во что верит... Так. Поэтому пропагандисты Отцов трудились, как и на Земле в темные времена, внушая людям единственно верные истины. Излучение помогало им, но не делало работу за них. А пока пропаганда не достигнет ушей, на свежееоблученных территориях шли бои. От крупных уличных драк до мелких вооруженных конфликтов. Монархисты против демократов, сепаратисты против примиренцев, социалисты против капиталистов, покупатели против торговцев, горожане против фермеров, одна религиозная секта против другой, Левобережная улица против Правобережной... Документов от того периода осталось мало, но число предметов и понятий, за которые люди были готовы умирать, превосходит самые смелые представления.

– Но ведь в Хонти ничего такого нет?

– А что мы знаем о том, что есть в Хонти? Может, вместо одной большой войны там теперь идет много маленьких? По радиопередачам трудно судить. И кстати, вот еще одно: в передачах о здоровье постоянно поднимается тема головных болей и их лечения. Постоянно. Как будто это главная проблема постъядерного мира, массаракш!

– Ну, Максим...

– Да, мне уже говорили, что я параноик и верный ученик Рудольфа. Мы приняли как рабочую версию, что Головастик погиб. Взлететь-то он взлетел, но вот приземлился ли – большой вопрос. Хонтийцы видят вражеский вертолет, пилот пьян энтузиазмом, пассажир без чувств... Шансов у него было не так много. Но я просто хочу тебя попросить: когда будешь там, имей в виду мою бредовую гипотезу. Если ты мне докажешь, что она бредовая, буду крайне признателен.

– Хорошо, я постараюсь.

– И еще вопрос личного свойства. Ты на базе встречался с группой лингвистики?

Кажется, голос Белого Ферзя дрогнул. Ханс почувствовал, что щеки снова заливают краской. Глупо-то как: ты знаешь нечто про собеседника, и он знает, что ты знаешь, и невозможно сказать напрямую, потому что информация эта настолько... вот именно, личного свойства... Это даже не сплетня. Это вроде тайны личности, только наоборот. Он заставил себя поднять глаза.

– Да, я встречал на базе... (товарища? госпожу?...)... аспиранта группы лингвистики Гаал, она тестировала меня по разговорной лексике. Сказала, что я подготовлен не блестяще, но хорошо. Выглядит она, ну... нормально.

– Уже аспирант? Вот и славно. Спасибо, Ханс, это все, что меня интересовало.

Каммерер улыбнулся краешками губ. Ханс открыл рот и тут же снова закрыл.

Рада Гаал, девочка из интеллигентной семьи, бывшая заключенная, бывшая уличная попрошайка, бывшая официантка из кафе в рабочем квартале, теперь сотрудник проекта «Саракш». Из-за Каммерера, которого знала как Мака Сима, она побывала под прицелом убийцы, в тюрьме, вынесла месяцы лжи, недомолвок и неизвестности, и все это она простила ему. Однако было и то, чего простить не смогла: гибель младшего брата – Каммерер был рядом и не спас – и одинокая смерть их дяди, известного некогда ученого. Профессор Каан скончался у себя дома во время последнего лучевого удара, при обстоятельствах, не исключающих возможность самоубийства.

Ей предлагали покинуть Саракш, улететь на Землю. Что она говорила Рудольфу Сикорски и что Сикорски отвечал ей, достоверно не знал никто, но после этого Рада Гаал присоединилась к проекту – единственная среди аборигенов-респондентов (то есть не-выродков; бывших выродков теперь вежливо называли резистентами). Отсутствие полного образования поначалу ей мешало, но оставаться простым носителем языка она не захотела. Что она думала о проекте, Ханс не взялся бы предполагать. И тем более – что она думала о некоем Максиме Каммерере.

А что думает о ней Мак Сим, он же Белый Ферзь... Едва ли это действительно все, что его интересует. Можно бы рассказать еще, о да. Например, как она вместе с Мартой пересаживает фикусы и бережно приминает землю тонкими пальцами без перчаток. Как ловко она носит комбинезон и уверенно кладет руки на клавиатуру, как девчонки учат ее пользоваться магнитными шпильками для волос. Как поднялся из кресла Его Превосходительство, почти-точно склонив ушастую свою голову, когда бывшая официантка вошла в комнату. Или – как в столовой Раулингсон подсаживается к ее столику и начинает рассказывать про голованов, изучающих земные языки, и если на губах аспиранта Гаал появляется слабая улыбка, Раулингсон немедленно становится вдесятеро остроумнее... Нет. Это было бы неуместно.

*Дэк Закаста,
студент. Хонти. Малундарг*

– Вообще видно, что ты нездешний, – сказал Ниру.

– По чему видно? – поинтересовался Дэк.

– Ну так... вообще. Выговор у тебя тамошний. И при каждом шуме по сторонам зыришь, словно атаки ждешь.

Ниру помолчал, потом спросил другим тоном:

– Страшно там у вас?

– Вообще-то да, – произнес Дэк нарочито по-местному, и Ниру засмеялся. – Было бы не страшно, не уплыл бы.

– Ты так прямо на лодке и бежал от своих? По морю?

– Угу.

– А субмарин не боялся?

– Нужен я им.

– Говорят, они не разбирают, нужен – не нужен... А морские патрули?

– Они-то субмарин боятся.

Ниру Селунга уважительно цокнул языком. Дэк – классный бэнч. Хоть и деревенщина он, и «середина» по отцу, зато талант. И никто из наших, пожалуй, не рискнул бы вот так, на лодке, не видя берега, пересечь границу.

Про пересечение границы Дэк рассказал сам. Ну как сам – пришлось тянуть из него по слову, но в конце концов Ниру все у него разузнал, очень уж интересно было, откуда он такой взялся.

– Дэки, а правда, что Зюна говорит?... Ну, Зюна Кас, маминой троюродной сестры сын. Он говорит, что был с тобой в одной группе на подготовительных.

– А-а. Угу, был у нас такой.

– Не, я не про это вообще. Он говорит, что ты на первом занятии не знал, как чертить. Дали, говорит, ему карандаши, а он вот так смотрит (Ниру задрал брови и сделал рот подковкой, Дэк фыркнул). Как герцогская дочка на похабную картинку. Говорит, ты до того не видел ни перьев, ни рейсфедера, ни морской туши, ни стиралок из косточек. Врет?

– Конечно, не врет, – лениво ответил Дэк. – У нас в деревне что-то не было ни архитекторов, ни конструкторов.

Ниру замолчал. Наверное, размышлял о том, что ему еще рассказал сын маминой сестры, а что он мог рассказать, Дэк догадывался. Как через неделю срединная деревенщина сдала все задания на месяц, чертя с сумасшедшей ловкостью и не прикасаясь к вычислительной машинке. (Дэку было проще вычислять в уме, чем пользоваться этим агрегатом.) Как через месяц молчаливый бездомный полухонтиец поступил на первый курс и к концу первого семестра подал заявление – хочу, мол, сдавать экзамены по программе третьего курса, включая те предметы, к изучению которых первокурсники еще не приступали. Как он сдал сначала рисунок-живопись-черчение, потом высшую и теоретическую математику, потом конструкции, экономику строительства, материаловедение...

– Год прошел, и ты на бакалавра идешь.

– Угу.

– Класс. Хорошо, что ты не остался в своей деревне. А то бы сам так и не узнал, какой у тебя талантище.

– Ясно, что хорошо.

Двое студентов архитектурного факультета валялись на берегу залива. Пляж был усыпан мелкими камешками: и ходить, и лежать удобно. Дэк пересыпал камешки из ладони в ладонь. Желтоватый, с ржавыми пятнами «дагу», род песчаника, из него кладут стены домов. «Малуна» – розовый гранит, по сравнению с земным почти сиреневый, идет в основном на фундамент, им вымощены богатые улицы. «Жиза» – кусочек белого кварца... Серые, белые, крапчатые, зеленоватые, черные с белыми жилками. Материал мира.

Город в устье реки был прекрасен, и от беззащитности его щемило сердце. Дэку (то есть, конечно, Хансу Эшхольцу) хотелось взять Малундарг и перенести в безопасное место. Подальше от побережья, где минные поля и ловушки совсем ненадолго отсрочат появление десанта Островной Империи. Куда-нибудь в центр материка, к берегу озера (тут есть одно большое, примерно с Онтарио), а еще лучше – на Землю. Технически это нельзя было назвать невозможным. Но всю планету в ладонях не перенесешь.

В Малундарге имелся крупный порт, но в последние полвека мореходство сошло на нет, и в порту стояли одни рыболовецкие суда, ходившие по заливу, да патрульные катера и крейсера. Кроме того, еще в имперские времена город стал колыбелью искусств. Сюда ввозили диковинные вещи из заморских стран, здесь подделывали заморские произведения, здесь живописцы и ваятели просили вдохновения у моря, неба, холмов, а также у белокурых дочерей и жен местной знати. Рисовали на коричневатой бумаге глянцевой тушью, добываемой из морских моллюсков, делали украшения из подводных драгоценных камней. И если теперь, в новейшие времена, художественное училище переживало нескончаемые трудности, то факультет архитектуры возвращал себе былую славу. Депопуляция, вызванная войной, осталась позади, людям надо было где-то жить, промышленность и армию надо было поднимать из руин, и кому-то наверху стало ясно, что довоенные проекты не подходят к новым условиям. О двуглавых ажурных башенках, эркерах и мезонинах на лекциях говорили немного, зато целые курсы были посвящены инженерным сооружениям, производственным помещениям, ангарам и гаражам для спецтехники. Все это можно было изучать и в столице, но традиция настаивала: лучшие архитекторы выходят из Малундарга.

Мощные улочки идут вверх от моря, кубики розового гранита перемежаются грязноватым сахаром белого мрамора. Брусчатку прорезают рельсы, и по ним со страшным лязгом ползают синие вагончики городского электропоезда – на Земле такие назывались трамваями. Пяти-шестиэтажные дома венчают островерхие крыши с окошками мансард. Дорожки в скверах посыпаны морскими камешками. Поднимаются в металлическое небо городская ратуша и соборы – в Хонти строили высоко и тесно, как на средневековой Земле, и по тем же причинам: городок когда-то окружала крепостная стена, и каждый лоскуток пространства внутри ее был на вес золота. С запада к городу подступает лес, вершины хвойных дере-

вьев повторяют силуэты башен и крыш... Славный город. Вот только «последствия облучения» – бытовые, привычные слова. Вот только при упоминании Центральных Губерний или Пандеи лица становятся злыми. И лакированные машины осторожно ползут по залатанному асфальту бедных окраин...

– А-ах, гадство!..

Ниру перевернулся на спину и положил руку на лоб. Правая рука протянулась к вороху одежды, зашарила, ища карман.

– Опять?

– Угу... Слушай, достань, где-то здесь были... Ум-х, сотрите меня с лица земли...

Дэк достал трубочку с таблетками, вытащил пробку зубами, вытряхнул желтое «колесико» и вложил в холодную ладонь Ниру. Помог приподняться, чтобы проглотить. Возможно, Нирикки немного рисовался, это было в его стиле, однако обморочную бледность и пот, мгновенно обливший лоб, подделать нельзя. Полечить бы его... Но Дэк знал, что в этом мире мужчинам нельзя гладить друг друга: могут понять неправильно, вплоть до драки, когда голова пройдет.

– Давай к рыбакам сбегаю, водички у них попрошу?

– Сиди...

Двое рыбаков возились в лодке, метрах в ста от них. Ветер доносил обрывки их разговора. Один что-то показывал руками, другой, кажется, рассмеялся.

Ниру лежал, время от времени втягивая воздух сквозь зубы. Прошла минута, краска начала возвращаться на его щеки.

– Легче?

– Угу, – Ниру слабо улыбнулся, но продолжал лежать неподвижно. – Вот гадство, и за что это мне? Все люди как люди, один я мутант радиоактивный. Вот ты вообще из Центральных, а у тебя башка не болит. Главное, не люблю, когда при девчонках...

– Думаешь, это от радиации?

– От чего же еще?

– Ну, может быть, какие-то сосуды в мозгу сужаются...

– А сосуды от нее и сужаются. Передача про это была: мозг так защищает себя от изотопов, и потом, когда их нет уже, это повторяется на автомате. Я же не один такой, многие страдают.

– А еще кто?

– Ну, например, дядька мой. Директриса первой школы, она матери жаловалась. И сам господин Сегонти – он в интервью говорил, что тоже неболит пьет, прямо как я. Радиация, бэнч, не разбирает, кто богатый, кто бедный: весь континент пострадал. Это утешает, конечно.

По голосу Ниру непохоже было, что это его утешает. Дэк был благодарен ему за «весь континент». Почти любой другой здесь сказал бы «вся Хонти».

– А неболит помогает?

– А то. Без него совсем крышка, по четверти часа лежишь и пищишь. Главное, не забывать его с собой носить. Если бы еще заранее знать, когда накатит, совсем было бы здорово...

– Это ты верно заметил, – задумчиво согласился Дэк.

Заранее знать было нельзя. Приступы жестокой головной боли, непродолжительные, но изнуряющие, случались у Ниру Селунги один-два раза в день, иногда через день. Еще одного такого мигренника Дэк встретил, когда учился на курсах. И ни там, ни здесь окружающие в эти моменты не распевали гимнов, не корчились в пароксизме преданности, не славили ни правящей партии, ни каких-либо иных кумиров. Страдающих мигренями жалели, заботились о них, предлагали таблетки, соли с эфирными маслами, магические талисманы. Да и вообще политического фанатизма не наблюдалось, ни в какой форме: на президента и

его соратников рисовали карикатуры, над оппозицией тоже посмеивались, решения правительства не вызывали ни особого восторга, ни особого протеста. Похоже, и в самом деле эти мигрени – просто ответ организма на радиацию или еще какая-нибудь пакость неблагоприятной планеты...

Ниру обтер ладонью лицо и вскочил на ноги.

– Ну всё! Пошли в море. Кому слабо нырнуть с пирса?

* * *

Профессор Недже выглядел впечатляюще. Высокий рост, вьющаяся грива светлых волос – и довоенное пенсне, которое сделало бы смешным любую менее масштабную персону. Неторопливо войдя в класс, где десять четверокурсников трудились над проектами, он махнул им рукой – мол, продолжайте, и двинулся между досками.

– Касаре, все это очень мило, но зачем вам столько несущих стен? Проектируете трехэтажное бомбоубежище?.. Ну-ну, простите, но это в самом деле не нужно. Нет, так сказать, смысла при нынешних военных технологиях. И про смету не будем забывать. Здесь и здесь делайте навесные. А если хотите приоритет по безопасности, лучше займитесь подвалами.

Дэк выглянул из-за своей доски. Митисте Касаре наклонила голову, волосы, низко завязанные в два хвоста, не давали разглядеть лицо. Дэк знал, что она сирота и что родом она из приграничной полосы.

– Селунга, здесь у вас все этажи? Позвольте... М-да, а мне казалось, вы любите покушать.

– Простите, профессор?

– Я не вижу на вашем заводике двух очень важных помещений. А именно столовой и пищеблока. Предполагается, что обеды рабочим будет привозить полевая кухня?

– Как? Вот... ой, нет, это актовый зал. Минутку...

Будущие бакалавры заулыбались. Хихикнуть громко никто не рискнул.

– Макти, вы все еще сидите над эскизами? Отвыкайте, работодатель вам этого не позволит... Ага, наш царевич-удачник опять все исполнил в один день. Что это у вас, Закаста?

– Поселковая больница, профессор.

– А я думал, дворец. Мы ведь проектируем на основе типовых конструкций, я не ошибаюсь?

– Да, профессор.

– В таком случае вот это у вас что такое?

– А-двадцать четыре, – ответил Дэк Закаста и отошел в сторону. Группа замерла в ожидании.

...Выбор специализации дался Хансу нелегко. Фундаментальные науки отпадали: тому, кто учился химии, физике и биологии на Земле, слишком легко брякнуть что-нибудь лишнее. Чтобы идти в эти области, нужно всерьез заниматься ксеноэпистемологией: так втянуться в местную науку, будто ты никогда не знал иных законов механики, кроме тех, что были созданы в мире, вывернутом наизнанку, и всю жизнь обозначал химические элементы знаками сакрального алфавита Империи Хара. Подобной подготовки у Ханса не имелось. Он был деревенским сиротой-самоучкой, ему следовало налегать на сельский быт, чтобы никто не усомнился в легенде.

Оставались прикладные и гуманитарные дисциплины. На специальности, связанные с политикой и управлением людьми, не ставили с самого начала: в стратифицированном обществе сироте-беженцу не попасть в учебное заведение для боссов. Искусство и искусствоведение допускались как вариант, но перспективы открывали не слишком захватывающие. Решение подсказал случай. У сельского учителя, который занимался с Дэком Закастой,

была раритетная десяти томная «История архитектуры», от местного средневековья до предвоенного времени. Когда учитель убедился, что способный мальчик не замусолит страниц и не порвет паутинной бумаги, прикрывающей цветные репродукции, он позволил ему листать книги, сколько тот пожелает. В построении проекций Ханс был хорош и по земным меркам, хотя, конечно, на Земле пользовался графическими программами. Чертежных принадлежностей в деревне не нашлось бы ни за какие деньги, но это было даже неплохо: самородок из глуши получился убедительней.

В сущности, все вышло отлично. Сведения о хонтийской промышленности, о масштабах строительства, о планах развития страны, даже о приросте населения не приходилось искать – они входили в учебную программу.

– Хорошо, а это что за чудеса у торцевых стен?

– Пандусы, профессор. Здесь световые окна, а вот двери в коридоры.

– На кой черт вам пандусы?

– Для транспортировки лежачих больных и оборудования. Каталки, носилки, всякое такое.

– Дэк, – профессор Недже поднял бровь над пенсне, – а вы, часом, не слыхали про такую штуку, как грузовой лифт?

– Лифт может выйти из строя, профессор. Опять же при экстренной эвакуации два лифта – не вариант. С пандусами быстрее, если достаточно персонала.

– Курс паникеров, – прорычал профессор. – Следующий, кто скажет мне: «А вдруг вторжение Островной Империи?», не получит зачета. Каждый должен заниматься своим делом: следуйте техзаданию и не забивайте себе голову политическими домыслами.

– В техническом задании упоминаются пути эвакуации, – сказал Дэк, – например, на случай возгорания. К тому же такое решение снижает теплотери, я посчитал.

– И где вы возьмете ваши пандусы? Не припомню такого в каталоге конструкций.

– Они есть в промышленном разделе.

– Но у вас больница!

– Но ведь размеры модулей одни и те же, профессор?

– В принципе да...

Профессор явно не готов был снять претензии, но продолжить не успел: в дверь заглянул университетский служащий в форме.

– Господин Недже, вас господин декан срочно вызывает к себе!

– Хорошо, я зайду к нему сразу, как закончится час.

– Простите, но его ученость сказал, это срочно...

Профессор беззвучно пошевелил губами.

– Работайте, я сейчас вернусь. Закаста, проверьте привязку к осям, что-то я сомневаюсь...

– И чего катит на меня, старый валун, – вполголоса сказал Нирикки, когда дверь закрылась, – вот у меня пищеблок, я же помню, что был. Столовую... ну, сейчас сделаю, подумаешь.

Дэк поднялся с места. Раз велено пересчитать, сделаем вид, что пересчитываем. В уме... Митисте, положив на колени справочник, а на него блокнот, рисовала нечто не имеющее отношения к несущим и навесным стенам.

– Можно посмотреть? – шепотом спросил Дэк. Митисте недоверчиво взглянула и убрала руку.

Деревянная лесенка без всякой опоры поднималась ввысь, и шесты, соединенные переключателями, так изгибались, что видны были шатание их и дрожь. На верхних ступенях балансировал человек, босой, оборванный, и терял с трудом обретенное равновесие, протягивая руку женщине, которая тянулась ему навстречу и падала вверх, увлекаемая силой

небесного притяжения. И уже было ясно, что им не хватит какой-то пяди, и лестница рухнет на землю, а женщину унесет в небо, прямо в Мировой Свет... Только переведя дух, он понял, что не дышал, пока рассматривал рисунок.

– Здорово, – прошептал он. Митисте улыбнулась, ее худое лицо сразу стало почти красивым, но тут в коридоре послышались шаги, и Дэк шарахнулся к своему стулу.

– Закаста, – профессор говорил так, будто сам удивляется тому, что имеет сообщить, – пойдете со мной.

В кабинете декана их ждал незнакомец. Средних лет, светловолосый, одетый неброско, но (в этом Дэк уже научился разбираться) недешево.

– Так это и есть ваш лучший студент? – спросил он. Дэк молча поклонился.

– Господин секретарь, я еще раз позволю себе напомнить, – скучным голосом сказал декан, – что господин Закаста не имеет степени бакалавра. Он не получил зачетов, не прошел практику. Я не намерен брать на себя ответственность...

– Я понял, понял, – скучающе отмахнулся неизвестно чей секретарь. – Господин Закаста, вы сейчас выполняете индивидуальный проект?

– Да, господин. (Что за дурацкая мода начинать разговор, не представляясь?)

– И что же вы проектируете?

– Здание больницы.

– Похвально, весьма похвально. А скажите, нет ли у вас желания взять другую тему, э-э, предоставляющую больше простора для ваших творческих идей? Скажем, проект особняка?

Четверокурсник Дэк Закаста обалдел. Ханс Эшхольц, прогрессор, – признаться, тоже.

– Но я уже практически закончил больницу, мне осталось совсем немного, – только и сказал он. Декан, профессор и гость подарили его одинаковыми взглядами – именно так смотрели односельчане в Стране Отцов, полагавшие его слабоумным.

– Это все упрощает, – светло улыбаясь, заявил гость. – У господина Закасты... как ваше имя, простите?... У Дэка будет достаточно свободного времени, чтобы заняться частным заказом. Господину декану нет нужды беспокоиться, это будет всего лишь конкурс проектов, таково желание заказчика. И если именно проект господина Закасты будет принят к исполнению, то техническую сторону дела, все связанное с безопасностью, эксплуатационные характеристики и прочее, подробнейшим образом проверят эксперты, и за дальнейшее будут отвечать они. Не сомневайтесь.

– Я не сомневаюсь, – судя по лицу декана, не сомневался он в том, что предложение содержит некий подвох. – Однако не понимаю, почему не обратиться к экспертам сразу. Есть гильдия архитекторов, есть проектные мастерские...

– Например, та, которую возглавляет ваш зять? – сладким голосом пропел неизвестно чей секретарь, и пока декан наливался кровью, продолжил: – Лично на меня ее творческий потенциал произвел очень, очень сильное впечатление. Но мой патрон выразил свое желание с предельной ясностью: обратиться к молодежи. Так вы согласны, Дэк?... Возьмите эту карточку и свяжитесь со мной в указанное время, в любой день. Если возникнут проблемы с учебным расписанием, я уверен, что педагоги пойдут вам навстречу. Всего наилучшего.

По этому сигналу декан приподнялся из кресла, обозначая конец разговора. Однако и он сам, и гость остались в кабинете.

– Вот такие дела... – задумчиво протянул Недже, когда дверь за ними закрылась. – Педагоги пойдут вам навстречу, господин Закаста, престиж института и так далее... но мой вам совет: внимательно читайте, а потом два раза перечитывайте все, что придется подписывать. Если будет возможность, приходите посоветоваться, я к вашим услугам.

– Господин профессор, а кто это был?

– Это был секретарь некоего господина Сегонти. Случайно, никогда не слышали о таком? Губернатор нашей провинции и член совета спонсоров университета. И большой затейник, как сейчас выяснилось.

Они сидели на кухне, под старомодным абажуром. Ниру, не вставая с табуретки, вертел ложкой в кастрюльке на плите.

Семейство Селунга – Ниру, его сестра и их мать, работавшая в городской больнице, – занимало половину квартиры в старом доме, с разгороженной пополам кухней и общей ванной. Сейчас дома были только Ниру с сестрой. Госпожа Селунга после работы отправилась в департамент социальной справедливости, сдавать документы, подтверждающие, что она вдова и страдает врожденным обменным заболеванием, – это полагалось делать ежегодно, чтобы не лишили льгот.

Дом знавал лучшие дни: высокие потолки, полукруглые окна со звездчатыми переплетами, узорные перила и мраморные ступени просторной лестницы – кое-где на них еще сохранились медные кольца для прутьев, удерживавших ковер. Выщербины на ступенях заделали бетоном, квартиры в первом этаже стояли пустыми, темными и зловонными, без дверей и с замурованными окнами. Странно было найти за единственной запертой дверью теплый свет, запахи еды и бумажных книг, цветные коврики на деревянном полу.

Послышалось цоканье когтей, скрипнула дверь, и в щель просунулась голова – коричневая, с белой звездой на лбу.

– Дэк, – сказал лоуки и простодушно добавил: – Люблю.

– Ладно тебе, – Дэк смутился. Зверь подошел ближе, поддел лобастой башкой его руку. – И я тебя тоже.

– Ты прямо краснеешь, когда он тебе в любви объясняется, – ехидно сказал Ниру, переставляя кастрюльку на стол. – В Центральных разве лоуки нет?

– Теперь нет. Я их только на картинках видел. Одни собаки остались.

– Слушай, а про упырей – правда? Ну, что на Юге лоуки мутировали в упырей и стали злобными? Или это так, газетный бред?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.